

ХАСАН БОРИС ИОСИФОВИЧ

Директор Института психологии практик развития, профессор кафедры управления человеческими ресурсами Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета (Красноярск).

Доктор психологических наук, профессор.

E-mail: khbi@ippd.ru

УДК 159.9

ОТНОШЕНИЕ К КОНФЛИКТУ И ПЕРЕГОВОРСПОСОБНОСТЬ

Доклад подготовлен в рамках реализации проекта РГНФ (грант № 15-12-24008).
Доклад был сделан на Всероссийском научном семинаре в Новосибирске «Ситуация человека. Исток человеческой энергичности» (26–27 июня 2015 г.) (рук. семинара — Б. Д. Эльконин, С. А. Смирнов)

Аннотация. В статье обсуждается гипотеза о конфликте как истоке человеческой энергичности. Предполагается, что процесс построения и разворачивания конфликта выступает как механизм соучастия в творении, который и есть содержание собственно человеческого в человеке. Обсуждаются переговорные институциональные формы как организованность конфликта.

Ключевые слова: конфликт, противоречие, человеческое, творение, энергичность, источник, переговоры.

Boris I. Khasan

ATTITUDE TO A CONFLICT AND NEGOTIATION CAPABILITY

Abstract. The article expresses the hypothesis of a conflict as a human energy source. It is suggested, that a process of conflict construction and development appears as a mechanism of taking part in creation act, which exactly is the human matter as to a human. Institutional forms of negotiations as means of conflict organization are discussed.

Keywords: conflict, contradiction, human, creation, energy, source, negotiation.

Я начну с эпиграфа, чуть-чуть перефразируя Станислава Ежи Леца, который сказал, что «мало поговорить о человеке, интересно поговорить с человеком». А мне иногда очень хочется спросить: неужели сказать важнее, чем быть услышанным?

В нашем обсуждении темы «Исток человеческой энергичности» уже было несколько попыток прояснения того, с кем вы разговариваете, на каком языке, хотите ли вы быть понятыми, зачем это всё, и чем хорошо бы закончить этот разговор. Я считаю, что он не должен закончиться, он должен быть продолжающимся, длящимся разговором и о человеке, и с человеком, и надо понимать, кто этот человек, с которым мы говорим. При этом мне представляется важным прояснить, различить разговор о «человеческом в человеке» и разговор о конкретном живом человеке. И тот, и другой важны, но в разных рамках. Иными словами, можно обсуждать истоки собственно человеческого, как того качества, благодаря которому мы вообще опознаем (признаем), назначаем определенную категорию на «доске культуры» — это одна рамка. И в другой рамке — истоки энергии человека реального, живого, ситуативного, то есть конкретно-исторического.

Здесь я должен оговориться, что буду пробовать действовать на стыке нескольких научных дисциплин, по неосторожности переходя границы и вторгаясь на «чужую» антропологическую территорию. Надеюсь, что психологу (по самоопределению) некоторые вольности такого плана простительны.

Более того, мне кажется, что и в отношении той энергичности, которая выполняет функцию очеловечивания, тоже есть некоторая граница между источниками, условно — внешним и внутренним. Если рискнуть и, может быть, не очень профессионально обратиться к библейскому источнику, то можно выделить такой весьма популярный тезис — объяснение внешнего истока. Вот это выражение «по образу и подобию». С одной стороны, хорошо бы понимать про Образ, с другой стороны, всегда хочется спросить, в чём может быть уподобление? Сама по себе идея «по образу и подобию» может быть прочитана как назначение, буквально сигнал о том, что назначено стремиться к ... А дальше, похоже, что собственно в Уподоблении Образ и задан, и нужно понять, в чём реализуется Уподобление.

Рискну предположить, что единственное, что *со-вершил* первоисточник, если обратиться к нему как к истоку энергичности, — сначала *замыслил*, затем подготовил *условия* и *за-вершил* творение.

Похоже, что в этом снят и образ — Путь, и указание на то, в чём состоит уподобление, — Творение.

Только в этом и можно уподобиться, и в этом есть назначение, и в этом есть первичный исток энергичности. Но дальше: как его поддерживать и воспроизводить?

Разумеется, здесь у меня нет и не может быть претензии на новизну этой мысли. Совершенно замечательно сказано об этом у Джованни Пико делла Мирандолы в его «Речи о достоинстве человека»: «...согласился Бог с тем, что человек — творение неопределенного образа, и, поставив его в центре мира,

сказал: «Не даём мы тебе, о, Адам, ни своего места, ни определённого образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению» [Эстетика Ренессанса 1981 I: 249].

Чтобы не злоупотреблять апелляциями исключительно к теологической мысли, можно привести примеры в этом рассуждении из материалов сборника, который так и назывался «О человеческом в человеке» (1991).

Вот соображение П. С. Гуревича: «... по нашему мнению, ключ к разгадке уникальности человека лежит вовсе не в том, что он является высшей точкой природного развития, самым совершенным биологическим творением. Напротив, говоря словами Б. Пастернака, “порядок творения обманчив, как сказка с хорошим концом”. Философские антропологи доказывают сегодня “несообразность” человеческой природы. Человека причисляют к пасынкам эволюции, объявляют продуктом халтуры, допущенной природой...», и далее: «Несомненно также, что культура — это природа, которую “перевоссоздает” человек, утверждая посредством этого себя в качестве человека. Специфика человека является, стало быть, не в ослабленности инстинкта, а в вырастающей на этой основе способности людей к культурно-историческому творчеству» [Гуревич 1991: 270, 277].

Теперь можно перейти на следующий уровень и обсуждать уже не просто исток, но механизм, а в нём — обращение к двум основам, двум природам, одна из которых — то естество, которое выступало условием, материалом и подготовкой завершающего творения; другая — спекулятивный или культурный дух, соединённый с материалом, его заселяющий, его преодолевающий, им овладевающий. Этот вечный спор, получивший уже немало попыток оформления не только теологического, но и научного, и согласно назначению не имеющий конца, но ориентированный на Вершины.

Как же должно быть трудно, но интересно школьникам в этом разбираться с помощью учителей (каких?), когда они начинают обсуждать вопрос: откуда взялось вот это человеческое?

Человек, по определению, представлен как исходное и потенциальное противоречие, и в нём может совершиться человеческое в большей или меньшей степени. Что это такое «человеческое в человеке»? Что такое в нём совершается?

Гипотеза, по-моему, очень простая, она настолько простая и банальная, что я испытываю некоторую неловкость, произнося её вслед за классиками (очень серьёзный список от Платона и Аристотеля до Маркса, Фрейда, Зиммеля и уже немалочисленного отряда современников).

Но сколько раз и как нужно произнести, чтобы быть услышанным?

Я говорю о явлении, о котором довольно много говорю и всё ещё очень мало знаю и с которым все время ношусь, — это «конфликт». По гипотезе, именно конфликт в его бытийствовании выступает источником собственно человеческой энергичности. Конфликт был задан, но не дан. Что такое «задан»?

По-видимому, для того чтобы, будучи человеком по рождению, стать человеком по назначению, требуется совершить определённые действия обнаружения, определения, преодоления и всё время в этом разрешении и преодолении себя утверждать, и это и есть собственно человеческое существование. Исходная идея, много раз произнесенная, связана с тем, что природной данности противостоит культура. И вот это противоречие естественного и противоестественного, в котором должно быть схвачено естественное, и искусствлено, то есть превращено в человеческое, и есть тот самый конфликт. Разворачивается он на разном материале. Поэтому речь идет о том, что источником собственной человеческой энергичности является не просто *пробывание в конфликте* и попытка его разрешения человеком, а именно создание этого конфликта и его удержание как собственно способа человеческого существования.

Следующий уровень рассуждения — это сюжет о том, когда мы говорим о форме и материале, то, что было у Л. С. Выготского представлено в «Психологии искусства», где он указывал, что форма должна взять материал, а материал всегда будет сопротивляться форме. И только в этом взятии, удержании и преодолении происходит то, что называется «явление». С одной стороны, является результат — произведение, а с другой — результатом является само это связывание как собственно человеческое «могу!».

Моя гипотеза состоит в том, что источником собственной человеческой энергичности является переживание этой самой связности создания конфликта из ситуации встречи природного материала с культурной формой и её бытийности (удерживания) в процессе порождения иного (нового) содержания. То есть фактическое столкновение между искусственным и естественным и придание этому естественному еще и творческого формата, потому что только в творческом воплощении человек реализует своё назначение.

Хотя здесь есть развилка, в которой появляется риск невозникновения собственно человеческого, развилка возможности просто соответствия назначенной репродуктивной бытийности и интенции преодоления, достижения того, что называется уподоблением. И это, видимо, толкает человека на самоопределение в разных позициях. Здесь актуализируется сюжет самоопределения, вернее, открывается шанс самоопределения. Благодаря наличию институтов в частной жизни можно, по-видимому, представить себе такой сценарий, согласно которому «очеловечивание» есть функция институтов, на них и возлагается ответственность за формирование (трансляцию и воспроизводство) того минимума культурных признаков, достаточного для адаптивного существования в границах конкретной, воспроизводящейся субкультуры.

И второй вектор развилки есть притязание на уподобление, то есть на самореализацию человеческого. На то, чтобы человеком не быть по внешнему определению, а само-стать. И в этом притязании присутствует такой сюжет, в котором конфликтность выступает не как приговор, подлежащий исполнению и претерпеванию, а именно как институт, захватывающий для своего устрой-

ства то базовое противоречие между естественным и искусственным и превращающий его в специальную организованность — инструмент себя-творения. Этот конфликт не является естественным, он должен быть организован. И эта организованность представляет собой очень любопытную вещь, которую можно обсуждать не только генетически, от энергетического истока к некоторому продуктивному или разрушительному исходу, но управленчески.

Здесь уместно специально обратить внимание на то значение, которое систематически придаётся именно организованности встречи условного естественного материала (например, спонтанности) и культурной нормы. Это особая тема обсуждения в методологическом сообществе.

Так, на ОДИ-43, в мае 1985 года, в докладе «Об онтологических основаниях психологии» Петром Щедровицким специально подчеркивалась необходимость «...введения представления о включении в мыследеятельность... носителя мыследеятельности и об артификации мыследеятельности, связанной с понятием источника мыследеятельности. За этим стоит следующий тезис: для того, чтобы человек стал человеком, он должен прежде всего *включиться* в мыследеятельность (курсив мой — Б. Х.). И каналы, и способы такого включения могут быть очень разнообразными. Система педагогики — обучение и воспитание — есть не что иное, как организация процессов включения в мыследеятельность с заданными результатами или схемами, к которым это включение должно привести. Если мы говорим, например, о подготовке специалистов или профессионалов, мы видим тот образ носителя мыследеятельности, который должен стать результатом процесса включения»²⁴.

Самая большая интрига содержится в этом самом «включении»! Представляется, что механизм «включения» и есть специально организованный конфликт, в котором удерживаются и разворачиваются во взаимодействии несколько позиций, одновременно оформляясь именно как оппозиции. Сценарное решение такого конфликтного взаимодействия выступает как специальная задача для достижения подлинности включения, то есть как минимум освоения известной культурной схемы.

Понятно, что здесь я уже перешел от обсуждения источника энергичности к вопросу о том, как эта энергия работает, то есть вкладывается в процесс творения человеческого и одновременно осваивается и инструментализируется.

В 2010 году этой проблеме в контексте обсуждения практик развития была посвящена 17-я научно-практическая конференция. На этой конференции в докладе «Исток и движущие силы развития» Борис Эльконин утверждал, что «действие в своей полноте не может быть представлено и предоставлено. Его освоение предполагает *включение* в его произведение, нахождение в нём, в его развёртывании, а не лишь перед ним (курсив мой — Б.Х.). В таком освоении действия *своё* есть занятие места в Мире, определение *своего* в Мире» [Элько-

²⁴ Приводится по магнитофонной записи.

нин 2011: 27]. И опять это замечательное «включение»! И опять я буду утверждать, что это возможно только в условиях конфликтной организации встречи исходного «своего» с «иным», такой встречи, в которой они непременно сталкиваются и взаимодействуют, согласуя и предмет столкновения, и способ взаимодействия, и его исход.

Одним из самых распространённых вариантов организованной конфликтности, то есть конфликтной конструкции, являются переговоры.

Переговоры я бы предложил рассматривать и как известный культурный институт, и как свернутую в различных взаимодействиях возможную и, наверное, желательную способность, имеющую свою генетическую картину. Именно в переговорных форматах более всего и следует ожидать становления этого института как практикующего собственно человеческое. Но для этого было бы целесообразно обсуждать некоторые предформы этого института как места, где конструктивный конфликт последовательно осваивается в качестве собственно человеческой практики.

В этом культурном институте также специально должна быть представлена позиция посредника, но не нейтрального медиатора (в контексте культуры альтернативного разрешения споров), а посредника, тоже имеющего своё дело в этом взаимодействии. Этой позиции назначена особая задача — кроме обеспечения подлинности (нефиктивности) столкновения, обеспечить его удержание в конструктивном русле и с продуктивной (на освоение нового способа действия) ориентацией. Иными словами, если столкновение условно-естественной и искусственной позиций специальным образом организовано, то в ходе и в результате этого столкновения можно ожидать тот образ, который назначен или возможен. Такой образ не есть результат естественных процессов, он есть результат специальной организованности — устройства механизма под названием «конфликт», благодаря которому человек и обретает человечность.

Почему же эта простая схема не работает, несмотря на то, что она имеет достаточно фундированные основания в культуре, несмотря на то, что хоть и непрямо, косвенно, она довольно давно известна и даже обсуждается, опять же на некоем метафорическом языке, но обсуждается, например, в культурно-исторической психологии, системо-мыследеятельностной методологии?

Ответ состоит в том, что практическое воплощение позиций, построенных на идеях понимания конструктивной природы и соответствующих функций конфликта и уж тем более на идеях конфликтного конструирования, содержит в себе огромные риски. Конфликт сопровождается естественным страхом, и благодаря воспроизводству и трансляции страха мы получаем эффекты избегания — когда человек вместо того, чтобы овладеть конфликтом, стремится его избежать. Это стремление бессмысленно и крайне непродуктивно, хотя и понятно. Задача человека в новом его понимании состоит не просто в познании, описании, объяснении, а в овладении этим инструментом, поскольку только им можно поддерживать собственно человеческое.

Обсуждение после семинара

Вопрос из зала: Возникает некоторый диссонанс. Сильный, понятный тезис про конфликт. Но тогда становится не очень понятно, почему конфликт есть искусственный конструкт в образовании? Потому что, если он искусственный, то значит предполагает наличие автора, наличие того, кто это делает? Кто автор? Кто его вызывает, кто его провоцирует? Педагог?

Хасан: Нет, не педагог, а учитель. Задача учителя состоит в том, чтобы столкнуть естественные формы спонтанности с культурной формой, с тем, что называется словом «норма», и тем, что требовало преодоления, овладения и специального познания. Через преодоление только и получается овладение. Поэтому идея конструирования и конструкции и есть то, что содержится в слове «уподобление».

Вопрос из зала: Вопрос про искусственное и естественное. Оестествление этой ситуации, если расширять эту рамку максимально с учительской ситуации на более широкую рамку человеческого в человеке, тогда не должны ли мы обсуждать естественное проявление человеческого, которое заключается в том, что мы такого рода конфликты преодолеваем, и через преодоление конфликтов мы становимся людьми? Я всё время в этом месте не понимаю искусственность и естественность.

Хасан: Я могу привести иные примеры конструкций, кроме педагогической ситуации, в которой, по сути, организуется встреча ученика с задачей. Подлинная встреча происходит только в том случае, если у ученика случилось озадачивание, а не повторение стереотипа операционного исполнения. Один вид конструкции, ядро этой конструкции — это как раз встреча ребенка с его естественными спонтанностями и представлениями. Если эту встречу не организовать как столкновение, то она может не случиться, а если она именно таким образом не случилась, то событие образования не произошло. Слово «событие» в данном случае очень интересно, а мне ещё интересно разделить слово «со-противление». Оно в себе содержит очень интересные внутренние противоречия.

Вторая очень распространенная конструкция — произведения искусства, от живописи, музыки до театральных постановок: в произведении в той мере, в какой в нём оказалась спрятана, свёрнута конфликтная конструкция, в той мере, в какой эта конструкция встретилась с установкой зрителя, слушателя, в той мере и случается событие переживания искусства.

Дальше — спорт. Все сюжеты спортивных состязаний — это сюжетные конструкции, начиная с шахматных игр. Это конструкция, на которую мы не обращаем внимания напрасно. В чём их доблесть, этих конфликтных конструкций? В том, что они, в отличие от бытовых конфликтов, которые представляют собой скандалы и которых мы естественным образом стараемся избегать, потому что они действуют на нас разрушительно, представляют собой сценарий, в котором конфликт удерживается, а не уничтожается, мы можем его держать и в процессе удержания и разрешения можем приобретать человеческие качества, которые нам и нужны.

Вопрос из зала: Это все разные конструкции. Игра в спорте — там победа, театральная игра — там другая цель, детские игры — третий тип игры. Но они при этом какой-то одной рамкой объединены. Это же не просто набор? У учителя при наборе конструкторов должна быть какая-то всеобъемлющая рамка?

Хасан: Думаю, что да. Это разные конструкции, разные сценарии, если их распределить как конфликты, то мы увидим, что они на разные способы и выходят.

Вопрос из зала: К тому вопрошанию о той легкости, с которой используются естественное и искусственное сегодня, нужно очень чутко и строго относиться, оперировать этими категориями, потому что мы сейчас переживаем удивительную радикальную трансформацию и переворачивание этих категорий. Потому что, например, если прежде город отгораживался от дикой природы, то сегодня самым искусственным объектом у нас на земле является сама дикая природа. У нас сегодня она выгораживается. То, что прежде было естественно, сегодня является самым искусственным объектом.

А теперь по поводу конфликта, который является истоком. У меня был небольшой период, когда я работал на отделении конфликтологии. Практика построения конфликтов востребована, да. Вот у вас конфликт-исток, а мы искали более строгое категориальное понятийное выражение конфликта, например, в категории противоречия. Оттуда происходит конфликт, ну и дальше искусственное, естественное. Может быть, имело бы смысл, если говорить о предельных истоках, все-таки углубляться в более фундаментальные категории?

Хасан: Согласен. Обратите внимание, что противоречие, и в этом состоит тезис, на котором я настаиваю, нисколько не оппонирует тому, что вы говорите.

По поводу того, что дикая природа становится предметом искусственного внимания. При этом забавно противоречие: дикая природа и искусственное конструирование. Это всё равно, что приручение дикого животного, когда оно перестает быть диким, будучи прирученным. И животные, которые живут с людьми, — это не представители животного мира в том виде, в котором они были, они уже на себе несут следы культуры искусственной.

Теперь второй тезис. Противоречие, если противоречащее друг другу основание не актуализировано и не столкнуто кем-то, то ничего оно не генерирует само по себе. Поэтому форма жизни противоречия, форма, в которой оно живет, и делает нечто — это конфликт. Поэтому, конечно, внутри и за ним всегда стоит такая штука.

Вопрос из зала: К последнему пункту. Чтобы было противоречие, необходимо некоторое столкновение. Даже здесь было видно, что у нас разное отношение к происходящему и разный конфликт. Соответственно, получается, что вот это искусственное и естественное, о чем вы говорите, фактически майевтика, вспомоществование рождению, да? Оно для современных детей, для современных людей принципиально мозаично, и нет никакого культурного кода, по которому можно было бы воспроизводить вот это становление. Я правильно понимаю, что фактически должно быть много разных майевтик?

Хасан: Понятно, что майевтик не может быть много разных, но техник может быть много, и они фактически не могут быть превращены в то, что у нас сейчас называют словом «стандарт» и т. п. Потому что эта штука требует особой чувствительности, и она каждый раз, несмотря на то, что есть общие представления о конструкции, каждый раз она единична.

Вопрос из зала: Если мы обсуждаем конфликт в логике вашего выступления как некое всеобщее, связанное с пониманием человеческого, то все-таки мы делаем ставку на него как на какой-то общий механизм? Или мы рассматриваем некоторые механизмы, например, не через конфликт, а через присоединение? Или мы тогда не даём этому линию размышления как пути к человеческому. Мы обсуждали ряд кейсов, когда люди не через анализ и конфликт начинают двигаться, а через присоединение. Когда нечто большее их покрывает, они видят там отзывы своего и туда втягиваются. Или мы не даём этому вообще статуса человеческого, а говорим, что это тогда овцы заблудшие, которые идут за своим пастором, а не суть человеческое проживание?

Хасан: Очень своеобразная интерпретация, я в этом тексте себя не узнаю. Но здесь нет противоречия. Присоединение не выступает заменой конфликта. К сожалению, феномен конфликтофобии заставляет нас сразу иметь определенную модальность, как только появляется слово «конфликт». И это нам сильно мешает. Конфликт вовсе не есть противоречие присоединению как операции, это сущностная характеристика. Поэтому в названии про переговороспособность я скорректировал тему именно в связи с тем, что здесь происходит какая-то следующая итерация, потому что мы разговариваем друг с другом очень часто и сразу вкладываем в позицию определенные характеристики. И начинаем разговаривать не с персонажем, а со своим образом, и никаких переговоров не происходит.

Вопрос из зала: Тогда я по-другому поставлю вопрос: если мы обсуждаем понятийность конфликтности, то что есть граница? Что есть не-конфликт? Потому что если конфликт — это все и любовь, и переговорность, то где границы этого понятия? Что я могу пометить как не конфликтную реальность, а что-то другое?

Хасан: Что сейчас между нами происходит? В основе лежит иная позиция, иной взгляд, образ и т. д. Вначале конфликт, и его надо увидеть, а потом держать и разворачивать в иное. Это не мгновение конфликта, а его жизнь. Как только мы полагаем, что есть разное, что это разное кооперируется, и оно может кооперироваться негативно или продуктивно, позитивно и т. д. У нас есть выбор, но это не отменяет конфликт. Граница его, грубо говоря, состоит не в его ограничении от иных рядоположенных вещей так же, как жизнь и не-жизнь. Там, где мы переходим в жизнь, там есть разные формы жизни, их много. А есть не-жизнь, некоторое условие. Когда-то мне В. П. Зинченко открыл одну замечательную вещь, он сказал, что он открыл закон, который назвал «закон Зинченко», он гласит: умирают только другие. Поэтому границы конфликта там, где жизни нет, там нет и конфликта. Ситуация очень простая: вы хотите избежать конфликта? Тогда на кладбище.

Вопрос из зала: У меня было одно суждение, а теперь появилось два. Если эти все присоединения, любви, сочувствия и т. д. рассматривать после того, как они случились, а не изнутри их, учитывая трудность опробования интимности, приватности в любви и в чувстве, то тогда да, ровно, как и конфликт. А если начать понимать самую трудную работу, работу не в смысле К. Маркса, не в смысле редукции труда, а в смысле пробной, испытательной, поисковой работы, из чего потом либо выходит, либо не выходит любовь, присоединение, то и разговор о чём-то конфликтном может оказаться уместным. Если переход этот между людьми, их близость и отдаленность рассматривать изнутри его, а не извне.

И второй момент, связанный не с аналитикой людских дел, а с техникой. Ведь, как говорится, естественное и искусственное, а тем более материал и форма, в любом виде выготскианской психологии искусства, содержание, материал и форма, то там немножко по-другому. Мы находимся позиционно как аналитики, исследователи этого дела. Мы смотрим на устройство художественного произведения, на художественную форму и выделяем в нём вот эту формально-художественную форму. И здесь очень интересные, видимо, вечные конфликтные противоречия. Между порождением и аналитикой. Вопрос ведь состоит в том, в каком виде, как и на каком языке это может стать опорой порождения? Не может этот вопрос не быть каким-то преодолением того, что считалось искусством.

Так вот, по мне, где собственно конфликт? Конфликт в самом полагании конфликта как чего-то?

Хасан: Всё, что мне довелось делать в этой схеме, приводит к мысли о том, что есть конфликты, которые и не должны быть разрешены в терминологическом смысле, они нужны для того, чтобы быть. И их надо умело поддерживать, удерживать, потому что благодаря им есть вот это жизнетворящее, жизнеорганизирующее человеческое состояние. Не надо стремиться все конфликты разрешать. Но их надо увидеть в этом творении, а не из некоей иной позиции. И это тогда безразлично уже — как влезать в порождение, а не в анализ произведения.

Литература

1. Гуревич 1991 — *Гуревич П. С. Уникальное творение Вселенной // О человеческом в человеке / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 261–280.*
2. Эльконин 2011 — *Эльконин Б. Д. Исток и движущие силы развития // Педагогика развития: движущие силы и практики развития: мат. XVII научно-практ. конф. (Красноярск, 2010). Красноярск: ККИПК, 2011. С. 23–34.*
3. Эстетика Ренессанса 1981 — *Эстетика Ренессанса: Антология: в 2 т. / сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981.*